

DOI: 10.31857/S086904992301001X
EDN: NBAANF

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема?¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Интерес к анализу научного статуса концепции постмодернизма обусловлен тем, что к ней зачастую обращаются без рефлексии границ и возможностей ее использования. Осмысленное же использование положений постмодернизма требует анализа проблем, которые стали стимулом для его появления, и изучения структуры социальных сред, представления которых близко концептуальным основаниям постмодернизма. Для таких сред постмодернизм выступает релевантной философской парадигмой. Показано, что свойственная постмодернизму проблематизация нравственных оснований социальной жизни существенно ограничивает круг социальных сред, для которых данная концепция способна выступать релевантной социологической объяснительной схемой. Границы релевантности концепции по отношению к определенным социальным средам определяются уровнем проблематизации в них нравственных оснований индивидуальной и социальной жизни. Соответственно, релевантное использование концепции постмодернизма в качестве социологической объяснительной схемы ограничено социальными средами, в которых постоянно анализируются нравственные основания их собственной личной и социальной жизни. Использование ее для сред, где мало сомневаются в нравственно-этических основаниях жизни, приводит к нерелевантным выводам.

Ключевые слова: постмодернизм, философская парадигма, социологическая объяснительная схема, нравственные основания

Цитирование: Дискин И.Е. (2023) Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема? // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–19. DOI: 10.31857/S086904992301001X, EDN: NBAANF.

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования НИУ ВШЭ «Самоорганизация граждан в условиях масштабных изменений экономической и социальной среды».

Postmodernism: Philosophical Paradigm or Sociological Explanatory Scheme?

© I. DISKIN

Iosif E. Diskin, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. The question of the scientific status of the postmodernism concept is relevant because of the fact that scientists appeal to it without reflecting on the boundaries and possibilities of its use. At the same time, the relevant use of the provisions of this concept requires an analysis of the problems that have become an incentive for its appearance, as well as of the structure of social environments whose consciousness corresponds to the conceptual foundations of postmodernism. For these environments, postmodernism is a relevant philosophical paradigm. It is shown that the total problematization of the moral foundations of social life, carried out by postmodernists, significantly limits the amount of social environments for which postmodernism is able to act as a relevant sociological explanatory scheme. These boundaries of relevance are significant for social environments that are not ready to problematize the moral foundations of their individual and social lives.

Keywords: postmodernism, philosophical paradigm, sociological explanatory scheme, moral pillars

Citation: Diskin I. (2023) Postmodernism: Philosophical Paradigm or Sociological Explanatory Scheme? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 7–19. DOI: 10.31857/S086904992301001X, EDN: NBAANF.

Вопрос о научном статусе постмодернизма следует изучить, поскольку термин постмодернизм стал широко употребляемым мемом. Целый ряд авторитетных исследователей и социальных мыслителей отсылают к постмодерну (и средствам его анализа) как к устоявшейся концепции, статус и границы применения которой уже не требуется анализировать [Неклесса 2021, Коктыш 2021]. Следует подчеркнуть, что в статье не стоит задача рассмотреть все аспекты данной концепции – задача ограничивается теми, которые обуславливают этот статус.

Представляется, что «тектонические сдвиги» в мировой экономике, возросшие геополитическая турбулентность и социально-политическая напряженность во многих странах мира (в том числе и в России) актуализируют проблему релевантности концепции постмодернизма и ее способности стать основой для понимания современных макросоциальных процессов.

Значение проблемы существенно возрастает в связи с тем, что устойчивые стереотипы массового и элитарного сознания, сформированные в том числе и под влиянием популярных теоретических концептов, обуславливают социальный «эффект колеи» [Дискин 2022b]. Важно также изучить роль стереотипов, связанных с концепцией постмодернизма, в становлении и воспроизводстве определенной структуры социально-политических отношений. Следовательно, следует обозначить характеристики социального субъекта, чьи социальные умозрения выражает обсуждаемая концепция.

Актуальность поднятых выше проблем возрастает в связи с необходимостью дать адекватные ответы на угрозы и вызовы, связанные с масштабными социальными структурными изменениями. Устойчивые стереотипы, сформированные в рамках концепта постмодернизма, могут создавать нерелевантные аналитические перспективы и неизбежно приводить к сомнительным социально-политическим решениям.

Соответственно, исходным пунктом исследования выступает вопрос о том, реакцией на какие социальные проблемы (включая сдвиги в массовом и элитарном сознании) стало появление обсуждаемой концепции. Решение позволит прояснить исходные интенции рассматриваемой концепции и границы ее релевантности.

Общепринятым стал тезис о том, что постмодернизм зародился в ответ на критику «больших нарративов», которая вошла в мейнстрим социальной мысли в послевоенный период. Также в традициях рационального социально-политического анализа такого рода нарративы начали связывать с тоталитарными режимами [Арендт 1996, Поннер 1992]. Следует отметить, что интенцией данного толкования стало требование четкой моральной определенности вплоть до идущего от Канта «ригоризма»².

«Сегодня, – пишет французский философ Ж.-Ф. Лиотар, – мы являемся свидетелями раздробления, расщепления “великих историй” и появления множества более простых, мелких, локальных “историй-рассказов”» [Цит. по: Ильин 1996]. Данная концепция сформировалась в русле идей Ф. Ницше – с интенциями критики тотальной рациональности, характерной для эпохи модерна. Она содержала отсылки к тенденциям развития архитектуры и актуального искусства. Влияние Ф. Ницше на становление постмодернизма отчетливо проявлялось в том, что аргументы основателей этой концепции систематически вносят в корпус достижений искусства [Лиотар 1996].

Другим импульсом к становлению постмодернизма стало стремление философски осмыслить новые достижения в математике и естественных науках, которые выходили за рамки механистической рациональности. Общеизвестно влияние на массовое сознание теории относительности А. Эйнштейна («пришел Эйнштейн и сказал “все относительно”»). Также к данному процессу можно отнести популярное изложение достижений квантовой физики: дуализм квантов как волны и как частицы, из которого следует принцип неопределенности Гейзенберга. Усиливали эту тенденцию и достижения математики. Так, теорема Геделя о неполноте превратилась в своего рода интеллектуальный мем. В ту же копилку добавляли такие теоретические конструкции, как размытые и случайные множества.

Данное влияние отчетливо прослеживается в структуре книги одного из основоположников постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», в которой видны интенции автора при анализе состояния знания. Исходная позиция Ж.-Ф. Лиотара приведена во введении: «Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [Лиотар 1996]. Существенно, что обозначена связь между постиндустриальным обществом и культурой постмодерна.

Сущность достижений естественных наук не была до конца раскрыта, и этот фактор вкупе с угрозой ядерного апокалипсиса вызывали ощущение зыбкости, размытости социальной реальности и ее базовых оснований. Как представляется, постмодернизм был попыткой не только осмыслить новую реальность, но и создать альтернативный взгляд на нее.

Вызовы постиндустриального общества породили еще один круг проблем, на которые откликнулся постмодернизм, – массовизацию общества. «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета стало значимым интеллектуальным импульсом для соответствующего социаль-

² РИГОРИЗМ (франц. rigorisme, от лат. rigor – твердость, строгость). Строгое проведение какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключающее компромиссы, учет др. принципов, отличных от исходного, и т. п. Философская энциклопедия. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319-%D0%A0%D0%98%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%9C>).

ного представления о постмодернизме [*Ортега-и-Гассет* 2000]. Как писали в американской газете *Atlantic Monthly*, эта работа во многом задала мейнстрим социального видения: «Чем для XVIII века был “Общественный договор” Руссо, а для XIX – “Капитал” Маркса, тем же для XX века стало “Восстание масс” Ортеги» [Цит. по: *Гайдено* 1989].

Отправной точкой постмодернизма считается статья Л. Фидлера «Пересекайте границу, засыпайте рвы», опубликованная в 1969 г. в журнале *Playboy*. В ней автор призывает стереть прежние границы и статусы.

Значимой представляется связь секуляризации массового сознания в странах Запада и концепта «смерть Бога» у постмодернистов, которые продолжили традиции Ф. Ницше³. Постмодернизм откликнулся на нараставшую после Второй мировой войны секуляризацию социальной жизни, снижение регуляторного воздействия религиозных норм на общественную мораль и социальные ориентиры людей, связанные с европейской традицией⁴. Более того, секуляризация распространялась и во всем мире⁵.

Обсуждая статус концепции постмодернизма, важно также выделить специфику ее представления о социальной реальности. Прежде всего, следует отметить критику прежних социальных конструктов. О.Ю. Цендровский отмечает: «Содержание оформившегося постмодернистского мировоззрения является по преимуществу критическим и негативным, оно “не столько создает «новое знание»”, сколько сеет сомнения в правомочности “старого знания”... Мыслители-постструктуралисты, чья философия стала одновременно базой и выражением постмодернистского мировоззрения, постулируют невозможность объективного познания и отсутствие критериев достоверности; ими устанавливается “принцип «методологического сомнения»” по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям. Легитимность идеалов модерна, его авторитеты и святыни обличаются в их внутренней иррациональности, беспочвенности и разрушительности. Прогресс, истина, смысл, порядок, справедливое общество, в общем, вся западная “логоцентрическая традиция”, по определению Жака Деррида, объявляется совокупностью идеологем и мифов» [*Цендровский* 2015].

Некоторые исследователи более радикально оценивают постмодернизм. Так, Н. Хомский, комментируя свою полемику с лидерами постмодернизма, заявил: «Что касается “деконструкции”, которая (также упоминается в дебатах), я не могу комментировать, потому что большая часть этого кажется мне тарабарщиной»⁶.

А.И. Солженицын, выступая на вручении ему премии Национального клуба искусств в Нью-Йорке (январь 1993 г.), отметил: «Для постмодерниста мир – не содержит реальных ценностей»⁷. Таким образом он присоединился к тем критикам постмодернизма, которые настаивали на том, что в основе концепции лежит принципиальный моральный релятивизм.

³ М. Фуко: «Смерть Бога обращает нас не к ограниченному и позитивному миру, она обращает нас к тому миру, что распускает себя в опыте предела... в акте эксцесса, излишества, злоупотребления, преодолевающих этот предел, переступающих через него, нарушающих его». Энциклопедия «История философии». «Смерть Бога». (<http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/history-of-philosophy/articles/485/smert-boga.htm>).

⁴ Оговорка о связи с европейской традицией необходима в связи с тем, что значительная часть мигрантов в странах Европы сохраняет религиозные ориентиры, характерные для стран их исхода.

⁵ Подробные данные о трендах секуляризации в мире приведены в: [*Инглхарт, Вельцель* 2011].

⁶ This text was posted by one jenm289@aol.com to rec.arts.books, 13 Nov 1995 03:21:23 -0500, message-id 486v63\$9an@newsbf02.news.aol.com. Jenm289 wrote: “The following was written several months ago by Noam Chomsky in a discussion. The discussion took place on LBBS, Z-Magazine’s Left On-Line Bulletin Board (contact sysoy@lbbs.org to join)”.

⁷ Солженицын о постмодернизме. RuLit. (<https://www.rulit.me/books/sled-filosofiya-istoriya-sovremennost-read-341108-186.html?ysclid=lc644ytqbo217980550>).

Представление о социальной реальности постмодернисты создают, используя тотальную иронию и игровые формы, что приводит к отказу от априорной нормативности «вечных ценностей» и утверждению абсолютной конвенциональности формируемых воззрений.

Оценивая позиции нравственного релятивизма в концепциях постмодернизма, следует учитывать определенную дистанцию между их концептуальными декларациями, с одной стороны, и собственными представлениями о социальных нормах морали, с другой. Так, представитель постмодернизма в литературе У. Эко выражает эти нормы через главного героя своего культового романа «Имя Розы». Данный персонаж – Вильгельм Баскервильский – демонстрирует уникальное сочетание безупречной нравственности и проницательного ума⁸.

Постмодернистские социальные построения, с одной стороны, выступают отражением реальных условий, в которых значительная часть общества формирует свои представления о социальной действительности на основе определенных конвенций. В последних сочетаются социокультурные ценности, нормы и представления, а также учитываются индивидуальные социально-экономические интересы [Дискин 2022а].

С другой стороны, постмодернистский отказ от общезначимых норм закрывает возможность эмпирически анализировать социокультурные рамки тех конвенций, которые обуславливают представления большинства о социальной реальности. Соответственно, встает вопрос об универсальности оснований такого рода конвенций или, напротив, о специфике их структуры, характерной для различных социальных сред.

Для данной статьи критерием служит наличие определенного социокультурного фундамента, который лежит в основе рассматриваемых конвенций или выступает важной составляющей их формирования. Отказ от признания общезначимого или, по крайней мере, значимого статуса соответствующих ценностей и норм делает процесс межличностной и межгрупповой коммуникации непроницаемым. Взаимопонимание в рамках такой коммуникации предполагает наличие соответствующих базовых когнитивных конструкций, создаваемых, как отмечал еще К. Юнг, на определенном социокультурном фундаменте [Юнг 1991]⁹.

Таким образом, наличие или отсутствие прочных, общезначимых оснований массовых нравственных представлений выступает существенным признаком релевантности рассматриваемой концепции. Выявление социальных границ формирования той или иной структуры представлений о социальной реальности позволяет выстроить рамки применимости соответствующих социологических объяснительных схем.

Различия в структуре представлений о социальной реальности для соответствующих социальных сред влекут за собой вопрос о специфике объяснительных схем социального действия людей, принадлежащих к этим средам.

Подводя предварительные итоги, можно сделать вывод, что постмодернизм с течением времени приобрел статус научной парадигмы. Можно обратиться к критериям Т. Куна: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун 1977]. В данном смысле постмодернизм [отвечает критерию признания его научным сообществом.

⁸ Эко У. (1997) *Имя Розы*. СПб.: Издательство «Симпозиум». 685 с.

⁹ Здесь уместно привести реплику Ю.А. Левады, которую он произнес на научном семинаре в 1986 г.: «Юнг исследовал коллективное бессознательное, а обнаружил культуру».

Не всеобщего, но широкого признания достаточно для того, чтобы, как уже отмечалось, на эту концепцию ссылались без специального обсуждения. Что же касается статуса модели для постановки проблем, по мнению известного философа А. Грязнова, постмодернизм «в некотором смысле взбудрил аналитическую философию»¹⁰. Он приводит данные американских аналитиков, согласно которым Деррида лидирует по количеству упоминаний среди философов¹¹. Общепризнанно также то, что постмодернизм дал импульс большому корпусу исследований в области языка, литературы и искусства¹². В результате произошла определенная институционализация постмодернизма. По оценке А. Грязнова, он «обосновался именно на отделениях английского языка и литературоведения»¹³.

В данном смысле постмодернизм можно рассматривать как специфическую философскую парадигму, ориентированную на тот сегмент представлений, в котором релевантность индивидуальной и социальной реальности имеет мало значения. Дж. Ваттимо в своей монографии продемонстрировал, что постмодернизм намеренно оторван от отражения реальности. По мнению исследователя, концепция ориентирована на внутренние задачи развития искусства [Vattimo 1988]. Парадигма постмодернизма в значительной мере выступает инструментом проблематизации несущих смысловых конструктов реальности. Ту же самую задачу ставят перед собой представители ряда направлений актуального искусства.

Данный тезис, в свою очередь, предостерегает против распространения концептуальных положений постмодернизма на иные сферы, в которых априорно требуется релевантность по отношению к социальной реальности¹⁴.

Критика концептуальных оснований постмодернизма уже не способна повлиять на его парадигмальный статус – его представления слишком укоренены в социуме. Чтобы обогнать эту позицию, можно обратиться к классической «теореме Томаса»¹⁵.

Проведем историческую аналогию. К.П. Победоносцев в своей статье «Великая лож нашего времени» раскритиковал концепцию «народовластия» [Победоносцев 1993]. Он последовательно разобрал инструментальные допущения, необходимые, чтобы парламентские институты эффективно функционировали, и показал отсутствие социальных предпосылок для этого. Тем не менее, представительная демократия в настоящее время выступает преобладающей социальной нормой, которой руководствуется большинство государств и народов мира [Инглхардт, Вельтцель 2011]. Общеизвестные недостатки демократии либо вовсе игнорируют, либо рассматривают в стиле «теоремы Черчилля»: «Демократия – худшая форма правления, если не считать всех остальных»¹⁶.

¹⁰ Александр Грязнов. «Постмодерн взбудрил аналитическую философию». Ruthenia. (https://ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_03.htm).

¹¹ Там же.

¹² Примером тому может служить послесловие Ю. Лотмана к роману У. Эко «Имя Розы»: «Выход из лабиринта, где великий семиотик проецирует методологические концепции постмодернизма на текст романа». Эко У. (1997) *Имя Розы*. СПб.: Издательство «Симпозиум». 685 с. С. 658–659.

¹³ Александр Грязнов. «Постмодерн взбудрил аналитическую философию». Ruthenia. (https://ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_03.htm).

¹⁴ В качестве примера такого распространения можно привести: Хазин М. Л. Постмодерн – реальность или фантазия? (<https://khazin.ru/m-hazin-postmodern-realnost-ili-fantaziya/>). Здесь постмодерн используют уже как метафору, которая утратила какую-либо смысловую определенность.

¹⁵ «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». Р. Мертон. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). Socioline. (<https://socioline.ru/node/828.?ysclid=lc64i3xzgy509813606>).

¹⁶ Черчилль про демократию как «худшую из систем». ИноСМИ. 14 мая 2016. (<https://inosmi.ru/20160514/236528908.html>).

С тем же основанием – и последствиями – парадигму постмодернизма можно было бы считать «великой ложью нашего времени 2.0». Однако такие манифестации мало продвигают к пониманию границ адекватного обращения к ней. Также они не помогут рассмотреть использование этой концепции в качестве социологической объяснительной схемы, которая отвечает требованиям эмпирической верификации.

Такого рода анализ актуален в связи с тем, что постмодернистская концептуализация, ставшая устойчивым стереотипом, может ограничивать (возможно, уже ограничивает) формирование социальных представлений о рамках социальных преобразований. Соответственно, она способна стать фактором возникновения «эффекта колеи» [Дискин 2022b].

Для аналитического и социально-политического преодоления такого ограничения необходимо анализировать социальную диспозицию – выявлять социальные среды, в которых такая концептуализация способна (или, напротив, неспособна) служить социологической объяснительной схемой.

Чтобы решить данную задачу, следует ответить на ряд вопросов, связанных с тем, насколько концептуальные построения постмодернизма релевантны социальному контексту соответствующих сред. В первую очередь, необходимо локализовать нравственный релятивизм в качестве социального ориентира соответствующих сред. Затем можно структуризировать и охарактеризовать социальные среды, в которых преобладают представления, основанные на специфическом постмодернистском умозрении.

Ответы на эти вопросы позволят уйти от примитивного отказа от постмодернистской парадигмы. Одновременно они помогут определить, в какой мере и кому представления, сформированные в рамках постмодернистской концептуализации, позволяют формировать структуру социальной реальности.

При ответе на первый вопрос позволительно предположить, что постмодернистская концептуализация в первую очередь применима к ситуациям трансформационного социокультурного перехода. В них прежние ценности, нормы и представления утрачивают свое регуляторное влияние, а новые еще не укрепились [см.: Дискин 2021a]. Следует также учитывать и периоды общего снижения социальной регуляторности. Данные процессы сопровождаются ростом нравственного релятивизма и разрушением социальной ткани¹⁷.

Отметим, что различные социальные среды (от малых сообществ до целых народов) проходят различные стадии социокультурного перехода. В такой ситуации нельзя предполагать, что какая-либо парадигмальная концептуализация может претендовать на статус общезначимой объяснительной социологической схемы.

Очевидно, что постмодернистская концептуализация не будет таковой в консолидированных обществах, мобилизованных религиозными или иными системами высоко значимых ценностей, которые в секулярных обществах выполняют функции гражданской религии [Дискин 2021b]. В таких обществах индивидов, которые сомневаются в доминирующем нравственном императиве, ждет незавидная судьба¹⁸. Также обсуждаемая концептуализация вряд ли применима к социальным средам, в которых «ригоризм» используют как модель восприятия социальной реальности, основанную на преобладании нравственных представлений [Дискин 2022a].

¹⁷ Здесь уместно отметить, что периоды трансформационных переходов обычно сопровождаются многочисленными обличениями нравственного упадка.

¹⁸ Здесь следует процитировать приговор Сократу: «неспособность признать богов, которых признает город» и «введение новых божеств». Why Socrates Died: Dispelling The Myths by Robin Waterfield. The Sunday Times. March 20, 2009. (<https://www.thetimes.co.uk/article/why-socrates-died-dispelling-the-myths-by-robin-waterfield-sm5dw8bcgqg>).

Исходя из данных предположений, необходимо проанализировать, в какой степени постмодернизм может выступать социологической объяснительной схемой для «конвенционалистов»: социальных сред, взгляды которых формируются на основе как ценностей и норм, так и социально-экономических интересов [Дискин 2022а]. Выше уже отмечалась связь концептуализации постмодернизма и позиции о конвенциональности всех представлений о социальной реальности.

Применительно к предмету данного обсуждения важно прояснить, как соотносится влияние нравственно-этических компонент этой конвенции, с одной стороны, и сугубо прагматических (связанных с интересами), с другой.

В предельном случае «цинизма» или «нигилизма» (отрицание какой-либо регуляторной роли нравственно-этической компоненты) вопрос о соотношении отпадает: конвенция исчезает – получается некий «ригоризм» наоборот. Цинизм и нигилизм с их жесткой определенностью не оставляют места для деконструкции и дискурсивного анализа: постмодернизм с его проблематизацией представлений о социальной реальности уже не может быть объяснительной схемой. Соответственно, данная концепция может служить объяснительной схемой для представлений социальных сред, в которых нравственно-этические нормы сохраняют определенное регуляторное влияние в рамках характерных для них конвенций.

Исследования показывают, что «конвенционалисты» составляют большинство (примерно 75–80%) российского общества¹⁹. Они же демонстрируют, что нравственно-этические представления очень значимы для них. Отвечая на вопрос об отношении к протестным действиям, 47% респондентов выбрали следующий вариант: «Даже если митинг не согласован, но я поддерживаю повод для его проведения, нужно идти: принципы и спокойная совесть важнее»²⁰. Нравственные побудительные мотивы (по крайней мере, на вербальном уровне) перевешивают потенциальные риски возможных санкций. Последние наиболее значимы для социальных сред, в которых существенны рациональные резоны.

Также о значимости нравственно-этической компоненты говорят результаты исследования идеальных представлений о политическом лидере: «Такие качества (со знаком плюс), как честность, порядочность, нравственность, наличие совести, по мнению опрошенных, являются необходимым условием справедливости и законности власти» [Шестопал, Рогач 2020].

О роли и влиянии проблематизации нравственно-этической ситуации можно судить по результатам исследования ВЦИОМ, в котором изучалась динамика мнений россиян о наличии или отсутствии общероссийского единства (рис. 1).

Соответствующие оценки связаны с достаточно обобщенными представлениями россиян о социальной ситуации в стране. На рисунке видно, что первый раз эти оценки буквально «перевернулись» в 2014 г., после «Крымской весны» и формирования «крымского консенсуса». Большинство россиян (54%) разделяло мнение о наличии общероссийского единства. Снижение этого показателя в 2018 г. эксперты связывают с пенсионной реформой. Россияне преимущественно оценили ее как поспешное повышение высоко значимых в отечественной культуре ценностей социальной справедливости.

¹⁹ Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения. Научный доклад по результатам фундаментального исследования, осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Рук. Проекта. Д.э.н. Дискин И.Е.

²⁰ Там же.

Рис. 1. Есть ли в России, по вашему мнению, сегодня народное единство или нет?

Figure 1. In your opinion, does Russia have national unity or not?

Источник: ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>).

Source: WCIOM. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>).

Граждане вернулись к прежним оценкам в ходе формирования «донбасского консенсуса»²¹. Этот факт может свидетельствовать о важном значении нравственно-этической атмосферы для части российского общества.

В целом приведенные соображения демонстрируют, что для абсолютного большинства «конвенционалистов» в условиях остро проблематизированной нравственно-этической ситуации значительно усиливается влияние соответствующей компоненты конвенции. Перефразируя известное выражение С. Хантингтона («культура имеет значение») – «нравственность имеет значение».

Следует подчеркнуть, что речь идет именно о нравственности. Этика и мораль в контексте данного исследования значимы в той мере, в которой они обуславливают общественную нравственность, выступающую социальным регулятором.

Представленные аргументы сужают социальное пространство, в котором постмодернистская концептуализация может выступать релевантной социологической объяснительной схемой.

Данный тезис, в свою очередь, ставит еще одну проблему: как социально-политический дискурс, основанный на постмодернистском концептуализме, будут воспринимать в социальных средах, для которых высоко значимы нравственно-этические основания.

В настоящее время соответствующий дискурс в целях своей легитимации обращается к определенным идеологическим основаниям [См.: Равочкин 2021]. В то же время за пре-

²¹ Впервые этот термин ввел Генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров. В стране сформировался «донбасский консенсус». Литературная газета. 25.05.2022. (<https://lgz.ru/article/-21-6835-25-05-2022/v-strance-sformirovalsya-donbasskiy-konsensus/?ysclid=lcg0a918pf727124730>).

делами обсуждений остается вопрос о том, как будут воспринимать и интерпретировать дискурс, слабо рефлексировавший собственные нравственные основания.

Выше аналогичная проблема уже затрагивалась в связи с технократически обоснованной пенсионной реформой, которую задумали и провели, не учитывая то, как ее нравственно-этические основания оценивает большинство российского общества.

Обсуждаемая проблема усугубляется в условиях, когда постмодернистская концептуализация становится нерелексироваемым стереотипом для многих аналитиков и политиков. Ставшая привычной для таких сред постмодернистская игра понятиями сильно раздражает значительную часть общества, для которого значимы нравственно-этические основания²².

На основе представленных выше рассуждений можно сделать вывод о том, что для релевантного использования постмодернистского концептуализма в качестве объяснительной социологической схемы требуется предварительно выявить его границы. Оно вполне допустимо в социальных средах, где проблематизация ролей и сущностей выступает необходимой частью творчества.

Также его можно применять при изучении слоев и групп, где проблематизация ситуации необходима в рамках профессиональной деятельности: например, для исследователей и аналитиков. Представляется, что такое видение объясняет, почему постмодернистская концептуализация значительно распространилась в соответствующих средах, которые в дальнейшем перенесли ее в элитные и субэлитные представления.

Важно также отметить ситуацию, связанную с проникновением постмодернистской концептуализации в политический дискурс. Он априорно предполагает аналогичный ценностный контекст у потенциального электората, в результате чего наталкивается на социокультурный барьер, основанный на качественно ином отношении избирателей к «игре ценностей».

Систематическое продвижение политических идей, основанных на философии постмодернизма, приведет либо к эрозии нравственно-этического фундамента общества, либо к делегитимации его институциональной основы и социально-политической дестабилизации. Перечисленные альтернативы, перефразируя И.В. Сталина, «обе хуже».

Иная ситуация складывается для массовых слоев и групп населения, в которых не слишком распространена проблематизация собственных устойчивых нравственных оснований. В них либо напрямую из религиозных заветов, либо опосредованно из транслируемых массовой культурой моральных принципов, преобладает максима Нагорной проповеди: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»²³.

Знание и глубокое чувство нравственной «почвы» массового сознания дают базу для понимания границ обсуждаемой концепции. Представляется, что постмодернизм нельзя использовать в качестве объяснительной схемы восприятия социальной реальности теми массовыми слоями и группами, для которых их базовые ценности и нормы столь значимы, что в относительно стабильной ситуации не могут быть проблематизированы. В то же время следует учитывать, что социокультурный шок может стать импульсом для кардинальной смены оснований, на которых строятся соответствующие представления [Смелзер 2012]. Однако даже он не приведет к нравственному релятивизму и, соответственно, к релевантности постмодернистской объяснительной схемы.

В данной работе показано, что обращение к концепции постмодернизма в качестве релевантной социологической объяснительной схемы существенно ограничено харак-

²² Здесь следует указать на обратный эффект, когда идеологическая увлеченность и нравственный ригоризм вступают в противоречие с рациональной компонентой конвенции, тесно связанной с социально-экономическими интересами. Реакция – отторжение такого рода дидактики.

²³ Евангелие от Матфея 5 стих 37. Библия Онлайн. (<https://bible.by/verse/40/5/37/>).

тером нравственно-этического фундамента социальных сред, выступающих объектом исследования. Постмодернистские построения оказываются мало релевантными для тех из них, в которых относительно слабы сомнения относительно нравственно-этических оснований их собственной социальной и индивидуальной жизни.

Тем не менее, концепция может быть вполне релевантна для тех социальных сред, где рефлексия нравственно-этических оснований собственной жизни выступает имманентной составляющей их повседневности.

Такого рода теоретико-методологическое **видение** может существенно продвинуть релевантность выводов социологических исследований.

В завершение необходимо отметить, что в условиях современных социокультурных сдвигов актуальна теоретико-методологическая ревизия не только границ постмодернизма, но и других популярных концепций, которые способны создавать «эффект колеи» – границы для общественных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (1996) Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом. 672 с.
- Гайденко П.П. (1989) Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс» // Вопросы философии. № 4. С. 155–169.
- Дискин И. Е. (2022a) «Колея» и гражданское общество // Общественные науки и современность. № 5. 2022. С. 113–127.
- Дискин И.Е. (2021a) Консервативная модернизация. М: Политическая энциклопедия. 342 с.
- Дискин И.Е. (2022a) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94.
- Дискин И.Е. (2021b) Понимающая скорбь о крахе либерализма // Тетради по консерватизму. № 4. С. 26–37.
- Ильин И.П. (1996) Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада. 213 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.
- Некlessа А.И. (2021) Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55.
- Ницше Ф. (2012) Рождение трагедии из духа музыки // В: Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Культурная революция. 416 с.
- Коктыш К.Е. (2020) Событие свободы: опыт деконструкции // Полис. Политические исследования. № 2. С. 21–36.
- Коллинз Р. (2009) Четыре социологических традиции. М.: ИД «Территория будущего». С. 179.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) Ред.: Л. Харрисон, С. Хантингтон. М.: Московская школа политических исследований. 320 с.
- Кун Т. (1997) Структура научных революций. М.: Прогресс. 300 с.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998) Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя. 160 с.
- Ортега-и-Гассет Х. (2000) Восстание масс // В: Избранные труды. М.: Весь мир. 702 с.
- Победоносцев К.П. (1993) Великая ложь нашего времени. М.: Издательский дом Русская книга.
- Поппер К.Р. (1992) Открытое общество и его враги. М.: «Феникс».
- Равочкин Н.Н. (2021) Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов современного общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Томск.

Смелзер Н. (2012) Рациональное и амбивалентное в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1. С. 22–46.

Цендровский О.Ю. (2015) Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. // Человек и культура. № 5. С. 1–57.

Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. (2020) Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. № 4. С. 166–180.

Юнг К. (1991) Архетип и символ. М.: «Ренессанс». 304 с.

Vattimo G. (1988) *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture*. Cambridge: Polity Press.

REFERENCES

Arendt H. (1996) *Istoky totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom. 672 p.

Collins R. (2009) *Chetyre sociologicheskie traditsii* [Four Sociological Traditions]. Moscow: ID “Territoriya budushhego”. 179 p.

Diskin I.E. (2022a) “Koleya” i gragdanskoye obshestvo [Path Dependence and Civil Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. no. 5, pp. 113–127.

Diskin I.E. (2021a) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernisation]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 342 p.

Diskin I.E. (2022b) Modeli legitimatsii i alternativy socialnoy dinamiki [Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. no. 2, pp. 78–94.

Diskin I.E. (2021b) Ponimayushaya skorb o krahe liberalizma [Understanding Sorrow for the Collapse of the Liberalism]. *Tetrady po konservatizmu*. no. 4, pp. 26–37.

Ilyin I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada. 213 p.

Inglehart R., Welzel Ch. (2011) *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. Sequence of Human Development]. Moscow: Novoye izdatelstvo. 464 p.

Gaydenko P.P. (1989) Hose Ortega-y-Gasset i ego “Vosstaniye mass” [José Ortega-y-Gasset and his «Rise of the Masses»]. *Voprosy filosofii*. no. 4, pp. 155–169/160.

Neklessa A.I. (2021) Zivlitzatsiya kak prozess: multiplitsirovanniye subyekty Postmoderna [Civilization as a Process: Multiplied Subjects of the Postmodern]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 5, pp. 39–55.

Nietzsche F. (2012) Rozdeniye tragedii iz duha muzyki [The Birth of Tragedy from the Spirit of the Music]. In: Nietzsche F. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 tomah*. Vol. 1. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 416 p.

Kultura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture Matters: How Values Shape Human Progress] (2002) Ed(s): L. Harrison, S. Huntington. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 320 p.

Kotysh K.E. (2020) Sobytiye svobody: opyt dekonstruktsiyi [Freedom Event: The Deconstruction Experience]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 2, pp. 21–36.

Kun T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress. 300 p.

Liotard J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The State of Postmodern]. Moscow: Institut eksperimental’noy sociologii; Spb: Aleteya. 160 p.

Ortega-y-Gasset H. (2000) Vosstaniye mass [The Revolt of the Masses]. In: *Izbranniye Trudy*. Moscow: Vesmir. 702 p.

Pobedonostsev K.P. (1993) *Velikaya lozh nashego vremeni* [The Great Lie of Our Time]. Moscow: Russkaya kniga.

Popper K. (1992) *Otkrytoe obchestvo i ego vragi* [Open Society and Its Enemies]. Moscow: Fenix. 1992.

Ravochkin N.N. (2021) *Rol' idey v stanovlenii i transformatsii politico-pravovykh institutov sovremennogo obshchestva* [The Role of Ideas in the Formation and Transformation of Political and Legal Institutions of Modern Society]. Avtorefera ddisertazii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskih nauk. Tomsk.

Smalzer N. (2021) Ratsionalnoye i ambivalentnoye v socialnykh naukah [Rational and Ambivalent in the Social Sciences]. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii*. no. 1, pp. 22–46.

Shestopal E., Rogach N. (2020) Idealnye predstavleniya kak factor vospriyatiya realnogo politicheskogo lidera [Ideal Representations as a Factor in the Perception of a Real Political Leader]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. no. 4, pp. 166–180.

Tzendrovskiy O. (2015) Kulturno-mirovozzrencheskiye osnovaniya globalno-setevogo obshchestva v XXI veke [Cultural and Ideological Foundations of the Global Network Community in the 20th Century]. *Chelovek i kultura*. no. 5, pp. 1–57.

Ung K. (1991) *Arhetip i simvol* [The Archetype and the Symbol]. Moscow: Rennesans. 304 p.

Vattimo G. (1988) *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture*. Cambridge: PolityPress.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society Studies and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 09.01.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.02.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023